

А.В. Харитонова

**Тление vs Воскресение.
Картина Г. Гольбейна в художественном мире романа Ф.М. Достоевского
«Идиот» и тема смерти в романе В.П. Свенцицкого «Антихрист»**

Аннотация: В статье рассматриваются параллели творчества Ф.М. Достоевского и художественного наследия писателя, богослова, публициста В.П. Свенцицкого (1881–1931). Основа поэтики Достоевского заключена в методе, который автор называет «реализм в высшем смысле». Свенцицкий заимствует основные положения этого метода и раскрывает их по-своему, на новой почве, в романе «Антихрист». Предметом изучения и сравнения выбрана важная для обоих творцов тема смерти и связанная с ней вера в воскресение Христа и бессмертие человека. Символом данной проблематики является картина Ганса Гольбейна «Христос во гробе». Это изображение в художественном мире романа «Идиот» становится точкой соединения линий жизни-смерти, воскресения-погибания, смысловым центром романа. Странный человек – главный персонаж произведения Свенцицкого – в символическом плане находится также перед творением Гольбейна. Всюду он видит тление, разложение, умирание человеческого тела. Неспособность принять воскресение Христа выливается в теорию Антихриста и влечет за собой нечеловеческие страдания, метания и раздвоение сознания. Полотно – это не только предмет созерцания, но и зеркало, отражающее явления внутреннего мира смотрящего. Гольбейнов сюжет актуализирует для героев романов предельные вопросы человеческого бытия и заставляет искать ответы на эти мучительные вопросы: что будет с духом, когда уничтожится плоть (Ипполит), что есть миг, отделяющий бытие от небытия, жажда жизни (князь Мышкин), что есть вера в Бога (Рогожин), как через проживание воскресения Христа прийти к пониманию настоящей жизни и подлинной смерти (странный человек).

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, В.П. Свенцицкий, Г. Гольбейн, преемственность, «реализм в высшем смысле», образность, живопись в литературе, тема смерти, бессмертие человека, бытие

Abstract: The article reviews the parallels of F.M. Dostoevskiy's works and artistic heritage of the writer, theologian, publicist V.P. Svetsitskiy (1881–1931). The basis of Dostoevskiy's poetry consists in the method called by the author 'eminently realism'. Svetsitskiy borrows the main concepts of this method and reveals them in his own way in the novel 'The Antichrist'. The most important for both writers subject of death and connected with it faith in resurrection of Jesus Christ and immortality of the man was taken as the object of

researching and comparing. The symbol of the subject is the painting of Hans Holbein 'The Body of the Dead Christ in the Tomb'. This painting in the imaginative world of the novel 'The Idiot' becomes the sense center of the novel, the point of connecting the following lines: life and death, resurrection and perishing. The strange man is the main character of Svetsitskiy's work. This character faces Holbein's painting symbolically too. He is finding dying, rotting man's body everywhere. The inability to have faith in resurrection of Jesus Christ creates the theory of Antichrist and causes infernal miseries and doubling consciousness. The painting is not only an item of watching, it is a mirror reflecting the events of the inner world of the man who is watching. Holbein's painting makes the questions of human being actual for the characters of the novel and compels them to search the answers for these vexing questions as What will be with the soul when the body is exterminated? (Ippolit), What is the moment separating being from unbeing? (knyazh Myshkin), What is the faith in God? (Rogozhin), How to understand the real life and actual death through proving the resurrection of Jesus Christ (the strange man).

Key words: F.M. Dostoevsky, V.P. Svetsitskiy, G. Golbeyn, continuity, 'eminently realism', imagery, painting in the literature, the theme of death, immortality human, being

Христианское понимание смерти (и в этом оно кардинально отличается от гуманистического) – трагическое. Трагедия – это столкновение, конфликт, который выходит далеко за пределы области неприятных ощущений нашей жизни.

Протопрсв. Александр Шмеман

ЛИТУРГИЯ СМЕРТИ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА

Говорить стоит о том, что живо. В чем чувствуется пульс, нерв, что не закостенело, что порождает вопросы, неудобные, спорные, сложные. Понимать и исследовать нужно только живую жизнь, настоящие ее проявления. Именно об этом важно помнить, занимаясь историей русской литературы. Как развивается традиция, что есть подлинная преемственность, как смысловое ядро, заложенное одним поколением, переосмысливается последующими – вот достойные темы для наблюдения.

Серьезная интерпретация романов Ф.М. Достоевского становится возможной при их сопоставлении с текстами последователей, среди которых хочется отметить интересного автора, богослова и публициста, Валентина Павловича Свенцицкого (1881–1931). Среди прочих Свенцицкий выделяется страстностью искателя Христовой правды и неутомимостью борца за подлинное христианство. Его по праву можно считать одним из достойнейших учеников Достоевского, несмотря на несправедливость истории и нерадивость потомков, лучшее выбрасывающих вон. В непростое время рубежа веков, со всеми надвигающимися катастрофами XX в., Свенцицкий выбирает ориентир – творчество Достоевского, с его особым методом, находками, его обращением ко Христу. Решения проблем современности он ищет в литературе, в пространстве слова высочайшего уровня. О Свенцицком, его трудах, книгах, мыслях известно только в узких кругах, а о значении его фигуры в контексте Серебряного века умалчивается. Тем не менее свою немалую роль в развитии культуры, литературы, истории нашей страны Свенцицкий сыграл честно, нетривиально и очень лично.

Самым важным «заимствованием» у Достоевского становится метод – «реализм в высшем смысле», который есть «художественное воссоздание реального

мира в предельно объемном физическом и метафизическом измерении и изображение личности в максимально возможной онтологической глубине» [Степанян 2010: 17]. Проза Свенцицкого – сближение личного опыта веры и художественной действительности, попытка создания нового текста в рамках «реализма в высшем смысле». Параллели творчества Свенцицкого с произведениями Достоевского прослеживаются на разных уровнях. Двойственность человеческой природы, черты подпольного человека и свойства хищного типа, постижение тайны бытия – все это снова воплотилось в романе «Антихрист». Но интересно увидеть не просто схожие черты, общие образы, братскую переключку идей, а сопричастность одного творца другому на глубинном, глобальном уровне. Это становится возможным, если оба подчиняются одной системе координат, одной иерархии, в которой, однако, не теряется их самобытность. Например, такой системой координат являются воплощенные в романах представления обоих писателей о смерти, воскресении Христа и самом жгучем вопросе бытия – что будет со мной после жизни?

История странного человека – главного героя романа В.П. Свенцицкого – попытка преодоления страха смерти. Читателям показан момент крайнего духовного и физического напряжения. Обращение к духу отрицания и зла, подчинение страшному внутреннему двойнику вытекают из основной проблемы романа – **возможности веры в воскресение Христа**. «Больше всего и чаще всего я думаю о смерти. Она вызывает во мне ужас и отвращение» [Свенцицкий 2008, 1: 61] – вот слова, вводящие нас в проблемный пласт романа. Странный человек не просто боится смерти. У него все, что связано с уходом человека из жизни, вызывает почти священный трепет и ужас. Частые мысли о человеческой кончине ассоциируются с могилой, разложением, кладбищем: «Часто я гляжу на свои руки и думаю: через несколько десятков лет, может быть, через год, может быть, через день, я стану трупом, это мясо начнет гнить, отвратительным удушливым запахом наполнит комнату...». Находясь в дебрях своего сознания, настроенного на тление и умирание человека, герой пробует прорваться к пониманию устройства мира и сущности жизни. Символом подобного вопроса в культуре является картина немецкого художника Ганса Гольбейна Младшего «Христос во гробе», или «Мертвый Христос». Во всяком случае, именно такая трактовка задается романом «Идиот». Это полотно становится смысловым центром не только самого произведения, но на идейном уровне проникает в текст Свенцицкого. Странный человек, как Мышкин и Рогожин, как Настасья Филипповна и Ипполит, также находится перед ней. Свенцицкий помещает своего героя в пространство, заданное полотном, но ярче изображает художественный эффект от созерцания его.

Пройти мимо столь явного и сильного образа, как картина Ганса Гольбейна, в романе «Идиот» невозможно. Он определяет понимание романа, перерастает объем этого художественного текста и вторгается в одни произведения, дает импульс другим, проблематизирует третьи. Объясняется это особой природой художественного, где слово несет в себе не только ситуативный или сюжетный смысл. Достоевский творит новую действительность со своими законами. В данном смысле картина Гольбейна не просто иллюстрация в доме Рогожина, не просто характеристика этого дома и хозяина, не только предмет, помогающий автору ввести в роман нужную ему проблематику. «Христос во гробе» несет в себе идею, которая начинает жить обособленной жизнью. Читатель еще не столкнулся с ней, но картина уже напоминает о себе: бледность героев и своеобразные акценты

вроде синих губ человека на гильотине, безжизненного лица Мари, худого, как скелет, Ипполита, с «выражением лица, на котором болезнь положила ужасные следы». Гольбейнов сюжет – точка, в которой линии смерти-жизни, воскресения-погибания завершаются. Обратим внимание на то, что она объединяет: в первой части романа появление главного героя и завязка основных конфликтов, в которых все пропитано ожиданием возрождения. Все как бы собираются начать новую жизнь: Парфен, князь Мышкин, Гаврила Ардалионович, Тоцкий, семейство Епанчиных. Кроме того обсуждение смертной казни, тема последнего мига, разделяющего жизнь и смерть, речь о воскресении, обновлении всего человечества, попытки спасти Настасью Филипповну, ее смерть и вообще все смерти в романе. Вопрос, задаваемый картиной, раскрывается целым романом.

Ипполит в «Идиоте» удивляется тому, что апостолы и женщины, ходившие за крестом, не усомнились в воскресении своего Спасителя, хотя видели начинающий разлагаться труп, видели, что глаза, руки, кожа перестали быть живыми. В точно такой же момент герой «Антихриста» требует доказательств воскресения после смерти. Зная об умирании, о повреждении человеческой природы, о ее уничтожении, как можно поверить в бессмертие? Он уже видел тление и смерть, вступившую в свои права, точно так же как Ипполит или Рогожин в «Идиоте» благодаря произведению Гольбейна. **Картина представляется здесь не только предметом созерцания, но и зеркалом (может быть в большей степени), ясно показывающим явления внутреннего мира смотрящего.** То же самое прослеживается в «Антихристе». Станный человек все время рисует образы, которые могут быть похожи на творение Гольбейна. Но для него это реальность, а не живопись. Получается, что окружающий мир лишь свидетельствует о том, что находится внутри, так как отражает душу героя. «У меня душа трупа», – говорит он. Если мы представим, что картина – зеркало душевных процессов, понятно, почему Ипполит испытывает при взгляде на нее невыразимое беспокойство, Рогожин подолгу простаивает перед ней, и князь забыть не может, хоть видел ее давно за границей. Священник Николай Солодов в своей работе «Соната о смерти» говорит: «Умирание оказывается сокрытым в самой сердцевине мироздания, так что для спасения человека была необходима смерть Бога. Попытки рационального объяснения здесь явно безнадежны. Предмет рассуждений выше нашего понимания и наших слов хотя бы потому, что понять смерть – значит понять себя, увидеть точку, с которой мы смотрим на мир, посмотреть на себя извне, – а это невозможно. Все, что нам остается, – гадать по неясным отражениям тусклых зеркал, что мы и чем мы будем». Вот такой точкой рефлексии становится образ умершего Спасителя. Герои пытаются понять себя и заглядывают в глаза смерти, если не своей, то хотя бы Христа.

Ипполит стоит на пороге перехода от жизни одной к жизни совершенно иной. Тление и дух, распад и мысль, бытие и небытие – могут ли существовать вместе и каковы законы этого существования? Вот, что проецирует на картину Ипполит, на что силится найти ответы. Князь был потрясен «Мертвым Христом» еще в Базеле, там он сделал свои открытия относительно лица, на ней изображенного. Помним, что князь особенно внимателен к лицам. В свете остро стоящей проблемы жизни и смерти (то, над чем размышляет Мышкин по приезду в Россию) его особенно поражает сюжет. Миг, разделяющий два мира, осознание жизни, жажда жить – вот что важно для Мышкина после увиденного им Гольбейна. Когда князь попадает в дом Рогожина, актуальными уже являются другие мысли, поэтому картину

он не замечает. Его взгляд цепляется за другое. Лев Николаевич лишь пробегает глазами по картине и, не останавливаясь, проходит в дверь. Какая разительная перемена от серьезного потрясения до мимолетного взгляда! Рогожин задает князю вопрос – веришь ты в Бога или нет. Мышкин отвечает о сущности религиозного чувства, но на самом деле уходит от ответа. Именно Рогожин говорит страшное и пронзительное: «Пропадает и то». Но пропасть может только то, что есть. Значит, вера есть у Рогожина. Своя, непонятная, глубинная, потерять которую жутко. И тем не менее это происходит. Рогожин балансирует на грани веры-неверия в Бога. «Христос во гробе» для него – канат, на котором острее чувствуется, есть ли опора или под ногами уже бездна.

У странного человека гольбейнов сюжет раскрывает теорию Антихриста. Настолько человечество желало пришествия Спасителя, что Он пришел во плоти и крови. Явив свою личность, Христос лишь подтвердил высоту той точки, к которой веками стремились люди в тоске по жизни, красоте, гармонии. Но чуда избавления от законов природы не происходит. Истрадавшиеся люди не смогли бы жить дальше без какой-нибудь успокоительной идеи. Так «оно вымучило в себе веру, истерическую, больную, с надрывом, в то, что Христос победил смерть». Для героя романа Свенцицкого теперь наступает царство Антихриста, в котором эта вера будет опровергнута, смерть вступит в свои права, и весь мир утонет в ее темной, пожирающей, безобразной стихии.

Прослеживая параллели творчества Достоевского и Свенцицкого, можем сказать, что значение полотна «Христос во гробе» в романе «Идиот» оказывает непосредственное влияние на творчество писателя XX в. и становится символом проблематики романа «Антихрист». Бытие и небытие определяется верой в возможность человеческого обновления во Христе, сопереживанием кульминационного момента его земной жизни и тем самым преодоления страха смерти. При правильном ракурсе и видении картина, по мнению Т.А. Касаткиной, начинает проявлять иной смысл, нежели популярное мнение о тлении и разложении, а колебания веры зависят от воспринимающего. Таким образом, картина задает вопрос, мучительный и неудобный, о сути, самой сердцевине веры. Оба автора предлагают путь, следуя выбранному художественному методу. Этот путь – проживание вместе с погибающим и умирающим Богом его воскресения.

ЛИТЕРАТУРА

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Свенцицкий В.П., прот. Собр. соч.: В 2 т. М., 2008.

Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб., 2010. 400 с.

Касаткина Т.А. После знакомства с подлинником. Картина Ганса Гольбейна Младшего «Христос в могиле» в структуре романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/2/kasa10.html

От смерти к жизни: как преодолеть страх смерти. М., 2015. 384 с.

REFERENCES

Dostoevsky F.M. Complete Set of Works: In 30 v. Leningrad. Nauka. 1972–1990.

Collected works of archpriest V. P. Svetsitsky: In 2 v. Moscow, 2008.

Stepanyan K.A. (2010) Epiphany and Dialogue in F.M. Dostoevsky's Novels, St. Petersburg. 400 p.

Kasatkina T.A. After viewing the original picture. Hans Holbein the Younger painting *The Body of the Dead Christ in the Tomb* in the structure of the F.M. Dostoevsky's novel *The Idiot*: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/2/kasa10.html

From Death to Life: How to Overcome the Fear of Death. Moscow. 2015. 384 p.

Сведения об авторе:
Анастасия Владимировна Харитонова,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia V. Kharitonovs,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
emaus@yandex.ru